

Эпистемология религиоведения в век науки

Пока что преждевременно делать прогнозы, будет ли он «не/о/картезианским», «не/о/кантианским»¹ или каким-либо иным, но некоторые его предпосылки прослеживаются весьма отчетливо. Одна из них – несомненная связь эпистемологии религиозного знания с философским анализом языка в философии религии². То есть, можно было бы несколько декларативно констатировать, что в науке о религии на смену «лингвистическому повороту» грядет «эпистемологический».

Другая предпосылка – влияние французской философии, структурализма и постмодернизма (Г. Башляра, М. Фуко³) на современную смысловую нагруженность термина «эпистема» и «эпистемология». Как отмечает, например, В.П. Визгин, если в «Археологии гуманитарных наук» (1966 г.) эпистема для М. Фуко – это «...культурно-познавательное априори, <...> причем ее основу составляют скрытые структуры», то в «Археологии знания» (1969 г.) – «...это уже не культурная трансценденталия..., а подвижная сеть отношений на уровне регулярностей дискурса как практики»⁴. Очевидно, что «эпистема» Г. Башляра и М. Фуко в понятийном аппарате может весьма существенно потеснить традиционную куновскую «парадигму»⁵. Таким образом, можно предположить, что если «эпистемологический поворот» в религиоведении состоится, он коснется не только науки в точном, сциентистском смысле слова, но и различных «наук о духе»⁶, поскольку понятия «эпистема» и «парадигма» вопреки К. Попперу⁷

¹ Опираясь на труды, например, П.П. Гайденко, Л.А. Микешинной и Н.В. Мотрошиловой: *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.; *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.; *Мотрошилова Н.В.* ИДЕИ 1 Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. – М.: Феноменология-Герменевтика, 2003. – 720 с.; *Мотрошилова Н.В.* «Картезианские медитации» Гуссерля и «Картезианские размышления» Мамардашвили (двуединный путь к трансцендентальному Ego). // Вопросы философии. – 1995. – № 6. С.3 и след.

² *Кимелев Ю.А.* Современная западная философия религии. – М.: Мысль, 1989. – 285 с. С. 29-86; *Кимелев Ю.А.* Философия религии: Систематический очерк. – М.: ИД «Nota Bene», 1998. – 424 с. С. 88-168.

³ *Башляр Гастон.* Избранное. Т. 1: Научный рационализм. – М.-СПб.: Университетская книга, 2000. – 395 с.; *Башляр Г.* Новый рационализм: Пер. с фр. / Предисл. А.Ф. Зотова. – М.: Прогресс, 1987. – 376 с.; *Визгин В.П.* Эпистемология Гастона Башляра и история науки. – М., ИФ РАН, 1996. – 263 с.; *Фуко Мишель.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. / Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. – СПб., А-сад, 1994. – 407 с.; *Фуко Мишель.* Археология знания. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

⁴ *Визгин В.П.* Эпистема. // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / ИФ РАН. Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – Т. 4: Т–Я. – М.: Мысль, 2001. – 608 с. С. 450.

⁵ *Кун Т.* Структура научных революций. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 296 с.; *Тулмин Стефан.* Концептуальные революции в науке. // Структура развития науки. Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978. С. 170-190.

⁶ Примеры сборников трудов, содержащих многообразные подходы: *Барбур Иен.* Религия и наука. История и современность. – М., ББИ, 2000. – 430 с.; *Герметизм, магия, натурфилософия в европейской культуре XIII-XIX вв.* / Отв. ред. И.Т. Касавин. – М.: Канон+, 1999. – 864 с.; *Знание за*

будут восприниматься как тождественные, что, собственно, и позволит распространить понятие «эпистема» Г. Башляра и М. Фуко на целый ряд смежных дисциплин, охватываемых термином «религиоведение».

С позиций критического сциентизма в самоопределении отечественного религиоведения поныне наблюдается конкуренция двух основных доктрин. Одна, опирающаяся на достижения классической немецкой философии, в первую очередь, И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, отстаивает приоритет философии религии перед остальными дисциплинами религиоведческого цикла⁸. Философия религии интерпретируется ими как наука = общая теория, формирующая методологический базис всех остальных частных наук о религии, к каковым причисляются, по преимуществу, история религии, социология религии, феноменология религии, психология религии, религиоведческая антропология и исследования в области свободомыслия.

Другая уравнивает (по обоснованности) философию религии со всеми остальными частнонаучными религиоведческими теориями. Называя религиоведение «комплексной дисциплиной», «областью научного знания»⁹, она все же отдает предпочтение истории религии и философии религии как самым первым, фундаментальным и авторитетным способам фиксации и теоретического освоения информации о религии. В процессе вузовского обучения студенты и аспиранты одновременно усваивают из различных источников (лекции, учебники, монографии) обе эти «парадигмы», и в их представлении иерархия религиоведческих «наук» может оказаться размытой и синкретичной.

При этом все смежные науки о религии мыслятся располагающимися на пересечении областей философии религии и религиоведения (как комплексной дисциплины, из которой элиминирована философия религии). Ситуация соперничества двух этих «вершин» на время «снимается», а точнее – вуализуется введением в научный оборот понятия «метарелигиоведение» в смысле метатеории религиоведения с неопределенной компетенцией, претендующей на универсальность и всеохватность.

Содержательно концепт «метарелигиоведение» не должен быть пустым, но на поверку таковым оказывается, поскольку в научном

пределами науки. Мистицизм, герметизм, астрология, алхимия, магия в интеллектуальных традициях I-XIV вв. / Сост. и общ. ред. И.Т.Касавина. ИФ РАН. – М.: Республика, 1996. – 445 с.; Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. / Под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса. – СПб., РХГИ, 1999. – 402 с.; Философско-религиозные истоки науки. / Отв. ред. П.П. Гайденоко. – М.: Мартис, 1997. – 319 с.

⁷ *Попнер К.* Логика и рост научного знания: Избранные работы. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

⁸ Эта доктрина находит свое яркое выражение в трудах представителей Московской школы религиоведения (к которой справедливо будет отнести, например, старшее поколение профессорско-преподавательского состава отделения религиоведения философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова).

⁹ Религиоведение: Учеб. пособ. / Под ред. М. М. Шахнович. – СПб.: Питер, 2007. – 432 с.

сообществе до сих пор не решен вопрос об ограничении множества объектов, охватываемых данным понятием. Некритическое словоупотребление (даже в академических кругах) приводит к смешению и смещению пластов смыслов, поскольку существует как минимум три интерпретации метарелигиоведения:

- 1) Метарелигиоведение = теория религии + история религии¹⁰, т.е. просто некая сумма любых знаний о религии, накопленная человечеством;
- 2) Метарелигиоведение = компаративное религиоведение, призванное, в частности, развести светскую и конфессиональную феноменологию религии, а также в ходе сопоставления исторической дескриптивной феноменологии религии с остальными видами феноменологии религии выработать критерии их отличия друг от друга и от истории религии¹¹;
- 3) Метарелигиоведение = содержательно не пустая синтетическая метатеория комплексной дисциплины (попперовский «концептуальный каркас» метадисциплины), выполняющая логико-методологические и гносеологические функции¹² и оттесняющая философию (как философию науки, так и философию религии) на второй план.

Наиболее аргументированно выглядит именно третья интерпретация, (хотя целесообразнее придерживаться четвертой, о которой речь впереди). Первая банально подменяет термин «религиоведение» более громким «метарелигиоведение», к которому должна быть применена «брита Оккама». Вторая представляет собой *ad hoc*¹³, возникший по частному случаю размежевания различных феноменологий религии. А третья исходит из той же посылки, что и первая, согласно которой, религиоведение – содержательная комплексная дисциплина (метадисциплина).

На наш взгляд, религиоведение – пустое рамочное понятие, указывающее на комплекс дисциплин, а не комплексная дисциплина, поскольку:

- 1) Религиоведение обособляется не по предмету, а по объекту¹⁴ исследования, фокусируя свое внимание на всем, что так или иначе связано с религией как глобальным социокультурным феноменом¹⁵.

¹⁰Красников А. Н. Религиоведение // Религиоведение / Энциклопедический словарь. Под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. – М.: Академический Проект, 2006. – 1256 с. С. 859.

¹¹Забияко А. П. Феноменология религии (статья первая) // Религиоведение. – 2010. № 4. – С. 157.

¹²Рахманин А. Ю. К метатеории религиоведения: концептуальный каркас и проблема нормативного критерия науки // Религиоведческие исследования. – М.: Издатель Воробьев А.В. – 2009. № 1-2. – 192 с. С. 11 и след.

¹³Гипотезы *ad hoc* востребованы дискурсом, как научным, так и философским. И в этом мы солидарны с Полом Фейерабендом. (См. подр.: *Фейерабенд П. Против методологического принуждения. Очерк анархистской теории познания.* – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. – 352 с. С. 102 и след.).

¹⁴Объект. Предмет // Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энци., 1983. – 840 с. С. 453 и 525. И это чувство «неуютной подвешенности» подспудно присутствует в трудах зарубежных религиоведов. См., напр.: *Handbuch Religionswissenschaft: Religionen und ihre zentralen Themen* / Herausgegeben von *Johann Figl.* – Innsbruck–Wien–Göttingen, 2003. – 880 s. S. 24 u.a.

¹⁵Простой пример – внимание религиоведения в лице истории и социологии религии, а отчасти и феноменологии религии, к магии (Дж. Дж. Фрейзер, Бр. Малиновский, М. Мосс и др.). В

Феноменов такого уровня абстракции – их еще называют *доминионами*, – не много, например, в философской литературе встречается такой набор: философия, наука, религия, искусство, мистика¹⁶. На наш взгляд, любая мета-теория, оперирующая доминионами как своими объектами, обречена стать непустым множеством теорий более низкого порядка, но в это множество в качестве подмножества включать самое себя она не должна. В своем пределе, доведенном до абсурда, религиоведение готово распространить свои исследовательские полномочия на абсолютно все религиозные факты и артефакты материальной и духовной культуры человечества, оспорив права истории, искусствоведения, социологии и прочих дисциплин, чья идентификация и самоидентификация проходит либо по линии уникальной методологии – что характерно, в основном, для узкоспециализированных дисциплин в условиях дробной дифференциации (например, библейская археология Балтиморской школы У.Ф.Олбрайта¹⁷), либо по линии предмета, что характерно для классических точных наук.

В словосочетании «история религии» религиовед, в отличие от историка, слышит только второе слово. Но в этом религиоведение не оригинально – точно такую же познавательную экспансию осуществляет другая гуманитарная «метанаука» – культурология¹⁸, стремящаяся подчинить себе все «логии» и «штудии» вокруг культуры как совокупности вообще всех фактов и артефактов, в т. ч. религиозных. Культурология как предельное знание о культуре видит религиоведение не своим соперником или коллегой, а своим чересчур автономизировавшимся разделом¹⁹.

2) У религиоведения нет своего уникального метода, играющего роль маркера («кто его применяет, тот религиовед»).

Пресловутый «религиоведческий анализ», наряду с «литературоведческим», «искусствоведческим», «правоведческим» и любым другим по сути своей останется *анализом* – универсальным приемом мыслительной деятельности, общепризнанным методом общенаучного

компетенцию религиоведения должна была бы попасть только религиозная магия, реликтом которой является экзорцизм (предмет). Магию как таковую (объект) бесспорно должны изучать самые разные гуманитарные дисциплины, в смежном предметном поле которых оказался бы этот объект – от этнографии и фольклористики до психоанализа измененных состояний сознания.

¹⁶ Кузнецов В. Ю. Мир единства. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. – 207 с. С. 46.

¹⁷ Freedman, David Noel; Running, Glidden Leona. William Foxwell Albright. A Twentieth-Century Genius. – NY.: Morgan Press, 1975. – 447 p. P. 164.

¹⁸ Арнольдов А. И. Введение в культурологию (новая расширенная редакция). / Учеб. пособ. – М.: Народная Академия культуры и общечеловеческих ценностей, 1993. – 352 с. С. 3; Культурология. Учеб. пособ. / Под ред. Г.В. Драча. – Р.-н.-Д.: Феникс, 1995. – 576 с. С. 10 и след.

¹⁹ Антология исследований культуры. Т.1: Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 728 с.; Вебер Макс. Критические исследования в области логики наук о культуре. // Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – 703 с. С. 7-54; Достоверность и доказательность в исследованиях по теории и истории культуры. Сб. ст./ Сост. Г.С. Кнабе. В 2-х кнн. Кн. 1 и 2. – М., РГГУ, 2002. – 866 с.; Флиер А.Я. Культурологические науки. // Культурология XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с. С. 241-246.

значения наравне с синтезом и другими найденными в логике способами получения достоверной информации – сравнением (компаративистикой) и обобщением (тремя формами абстрагирования)²⁰.

Религиоведение заимствует методологию частных наук (т. наз. «наук родительного падежа») – социологии религии, психологии религии, религиозной антропологии, доставшаяся им от общей социологии, общей психологии, социальной антропологии (общая антропология включила бы в себя и дисциплины естественнонаучного цикла, например, антропометрию, биологическую и медицинскую антропологию и т.п.). Таким образом, эпистемологическая картина усложняется, так как приходится учитывать влияние и опосредованное присутствие общетеоретических дисциплин.

На фоне религиоведения за четкими контурами частных религиоведческих дисциплин (не только наук в сциентистском понимании этого термина) проступают черты общенаучных теорий, обеспечивших методологический базис своим производным. Демаркационную линию целесообразно провести, учитывая два полюса тяготения – к эмпирически проверяемому, достоверному знанию (социология, история, антропология) и к метафизически-умозрительному, априорному знанию (философия, феноменология, психология). Данное разграничение носит подчеркнуто условный характер, поскольку практически все дисциплины имеют со смежными точки пересечения и взаимообмена. Оправданием служит лишь тот факт, что до сих пор сильна весьма аргументированная жесткая позиция, согласно которой, ни психологию, ни феноменологию – даже дескриптивную – наукой в строгом смысле слова считать нельзя, поскольку они не отвечают полноте критериев научности, разработанных эпистемологией (обычно их список включает в себя по умолчанию: объективность, рациональность, эссенциальность, системность, верифицируемость и фальсифицируемость).

Тем более эта гиперкритическая концепция затрагивает философию. Современная гносеология не отказалась от тезиса последовательной смены в общественном сознании трех картин мира, соответствующих трем способам мышления – мифической, религиозной, научной²¹. Причем на любой стадии их эволюции сохраняются реликты прошлых. Странно, что при этом элиминируется обыденное мышление²², не тождественное мифологическому.

²⁰ *Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г.* Логика с элементами эпистемологии и научной методологии. Учебник. – М.: Интерпракс, 1994. – 448 с. С. 154; *Ивин А. А., Никифоров А. Л.* Словарь по логике. – М.: ГЦ Владос, 1997. – 384 с. С. 14. Получается, что слова «религиоведческий анализ» просто информируют читателя о том, что этот анализ осуществил именно религиовед, а не другой специалист, к примеру, культуролог.

²¹ *Степин В. С., Кузнецова Л. Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., ИФРАН, 1994. – 274 с.; Исторические типы рациональности. / Отв. ред. В. А. Лекторский. В 2-х тт. Т.1. – М., ИФРАН, 1995. – 350 с.; Исторические типы рациональности. / Отв. ред. П. П. Гайденко. В 2-х тт. Т.2. – М., ИФРАН, 1996. – 348 с.

²² Винни Пух и философия обыденного языка. / Аналитич. ст. и коммент. В. П. Руднева. – 3-е изд, доп., перераб. – М.: Аграф, 2000. – 320 с.

Также недоумение вызывает скромное умалчивание о философской картине мира, которая никак не сводима к научной, поскольку философия, с точки зрения здравого сциентизма, – не наука, ей никогда не была, не может и не должна быть наукой. Философия – не пара- и не квази-наука, но искусство, «технэ», не подчиняющееся нормам научности, поскольку она занята весьма специфическим делом, а именно: «опрокидыванием» мышления и бытия в язык и осуществляет процедуру рефлексии по поводу этого процесса и его результата (чего не делают изобразительные искусства и художественная литература)²³.

В идеале философия может стать беспредпосылочной, в отличие от когнитивистики, тогда как в науке, в той же когнитивистике²⁴:

а) доминирует принцип объективности (а философские построения в массе своей субъективны, поскольку индивидуальны и не опровергаются философским сообществом);

б) рациональности (в философии избыточествует фидеизм и интуитивизм);

в) системности (а не просто систематизации как любой упорядоченности);

г) эссенциализм преследует цель выяснения сущности явления;

д) фальсификационизм требует строго указывать границы применимости теории, за пределами которых теория может дать сбой и ложный результат²⁵;

е) верификационизм делает акцент на необходимости проверки, сама потенциальная проверяемость научных выводов становится критерием состоятельности теории;

ж) еще одним требованием может служить выработка специфического понятийного аппарата на основе логических формализаций, где каждому термину однозначно приданы значение и смысл, аналитические суждения строго тавтологичны, а полисемантическая порочна²⁶.

²³ *Бибихин Владимир*. Искусство и обновление мира по Эжену Ионеско. // Самосознание культуры и искусства XX века. Западная Европа и США. – М.-С.-Пб.: Университетская книга, 2000. – 640 с. С. 484-513; *Бибихин В.В.* Язык философии. – М.: Прогресс, 1993. – 416 с.; *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. Философские исследования. // *Витгенштейн Л.* Философские работы. (Часть 1). – М.: Гнозис, 1994. – 520 с.; *Гиренок Ф. И.* Удовольствие мыслить иначе. – М.: Академический проект, 2008. – 235 с.; *Рорти Ричард.* Философия и зеркало природы. – Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.; *Тульчинский Г.А.* Текст как интонированное бытие или инорациональность семиотики. // Философия языка и семиотика. – Иваново, Ив.ГУ, 1995. – 232 с. С. 44-52; *Философы двадцатого века. В 2-х кнн. Кн.1 и 2./ ИФ РАН, отв. ред. А.М. Руткевич.* – М.: Искусство XXI век, 2004. – 367 с. (кн.1); 383 с. (кн.2).

²⁴ *Величковский Б.М.* Когнитивная наука. Основы психологии познания. В 2-х тт. Т.1 и 2. – М.: Академия, 2006. – 448 с. (т.1); 432 с. (т.2); *Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой.* – М.: МГУ, 1997. – 245 с.

²⁵ *Лакатос Имре.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М., МФФ: Медиум, 1995. – 236. С. 78; *Поппер К.* Логика и рост научного знания: Избранные работы. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

²⁶ *Бочаров В.А., Юраскина Т.И.* Божественные атрибуты. – М.: МГУ, 2003. – 167 с.; *Васюков В.Л.* Формальная феноменология. – М.: Наука, 1999. – 223 с.; *Копнин П.В.* Логические основы науки. // *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М.: Мысль, 1974. – 568 с. С. 281-559; *Смирнов В.А.* Логические методы анализа научного знания. / Под ред. В.Н. Садовского и В.А.

Отсюда следует банальный вывод – если у религиоведения нет своего уникального метода и зримо очерченного предмета (что недопустимо для науки), тем паче их нет у метарелигиоведения, как надстройки над базисом.

Почему? Дело в том, что в каком бы «парадигмальном ключе» не велись изыскания – классическом, неклассическом, постнеклассическом²⁷ – исследователь вынужден объективировать, отчуждать, а для этого – вербализовать и артикулировать результаты своего интеллектуального труда. В настоящее время в науке сложилась целостная система уровней теоретизации, подразумевающих единый алгоритм верификации и фальсификации и постоянную поуровневую эмпирическую проверку данных, практическое «заземление» на предмет и через него – на объект.

Если нет своего предмета и метода, рушится все здание теоретизации (что будем фиксировать протокольными предложениями?). Такая наука, в нашем случае религиоведение, – оказывается фикцией без опоры.

Религиоведение претендует на роль общей теории религии? Допустим. Но у нее, как нами было продемонстрировано, нет индивидуализирующего именно ее предмета. Более того, если оно включает в себя философию религии, наукой не являющуюся, она теряет свой бесспорный научный статус и проигрывает на поле сциентизма когнитивистике (стремящейся сделать своей союзницей культурологию, исключив из нее философию культуры), ставя под сомнение достоверность приобретенного знания о религии. Метарелигиоведение претендует на роль метатеории религии? Значит, оно с необходимостью включает в себя «этаж» общей теории (религиоведение). А он содержательно пуст. И метарелигиоведение оказывается избыточной надстройкой, не компенсирующей содержательную пустоту религиоведения.

Конечно, можно возразить, что метарелигиоведение вообще не укладывается в вышеприведенную идеальную схему. Оно – концептуальная рефлексия религиоведения над собой, наука не о религии, но о религиоведении и призвана заниматься, например, историей становления религиоведения, творческой биографией религиоведов. А какая наука тогда будет заниматься историей антропологии, биографией антропологов? Метаантропология? А социологов? Метасоциология?²⁸ Однако, это компетенция истории науки, как раздела общей истории, но не наук о

Бочарова. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 264 с.; *Философия языка* / Ред.-сост. Дж. Р. Сёрл. Пер. с англ. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 208 с.;

²⁷ Кузнецов В. Ю. Мир единства. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. – 207 с. С. 56-72. В библиографии к этой монографии (с. 200) см. особ. труды В.С. Степина. *Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. // Вопросы философии. – 2003, № 8. – С. 5-18.*

²⁸Какой категории принадлежат, например, следующие труды: *Смирнов М. Ю. Очерк истории российской социологии религии / Учеб. пособ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 141 с.; Шахнович М. М. Очерки по истории религиоведения. – СПб., Изд-во СПбГУ, 2006. – 290 с.; Эванс-Причард Эдвард Э. История антропологической мысли. – М.: Вост. лит., 2003. – 358 с.?*

религии или наук о человеке. И из истории науки любые дисциплины могут черпать материалы собственной хронографии и ретроспекции.

Но что тогда есть позитивного у религиоведения как комплекса самостоятельных смежных дисциплин? Ответ прост – есть консолидирующий профессионалов общий объект (с его производными в духе «религия»/«религиозность»), иллюзия мультиплатформенности (универсальности ее адаптации и результативности применения в любой научной парадигме, в т. ч. постнеклассической) и реальный кросспредметный инструментарий (обширная и разнообразная методология, заимствованная из арсенала множества конкретных частнонаучных теорий).

Поэтому намного прагматически верным и сциентистски эффективным приемом будет не надстраивать новые мета-этажи здания науки о религии, а дополнить уровень частных религиоведческих наук эпистемологией религиоведения, чьей сугубой задачей станет совершенствование религиоведческих методологий, теоретическая классификация, разведение различных частнонаучных подходов, методов и методик, проверка всех многочисленных методов частных теорий на соответствие критериям научной методологии²⁹.

Генетически эпистемология религиоведения восходит к эпистемологии как таковой, а та – уже не к «метафизическому» наукоучению в духе И. Г. Фихте и не к традиционной философской гносеологии, но к когнитивистике³⁰ (не к когнитивной науке), обособившейся от теории познания и отвечающей жестким сциентистским критериям общей теорией научного познания. Именно поэтому на сегодняшнем этапе развития религиоведческих знаний³¹ обойтись философией науки или философией религии в роли методолога не удастся. Должно сформироваться «твердое ядро науки» о религии. Такое ядро вместе с историей науки (в нашем случае – науки о религии) и историей религии дадут кумулятивный эффект, необходимый для «отсева экстравагантностей» и профанирующих ее идей энтузиастов синкретизма.

ВЫВОДЫ: Эпистемология религиоведения удовлетворяет всем критериям науки гуманитарного профиля, более того, она превосходит их, поскольку содержит и множество формализмов, и множество семантических допущений, абстрактных моделей, строгих логических правил вывода, что роднит ее с эпистемологией естественных наук. С другой стороны,

²⁹ Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия / Сост. и коммент. А. А. Печенкина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Логос, 1996. – 400 с.; Философия науки в историческом контексте. Сборник статей в честь 85-летия Н.Ф.Овчинникова. – СПб., РХГИ; ИД СПбГУ, 2003. – 416 с.; Философия науки: Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: хрестоматия. / Отв. ред.-сост. Л.А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 992 с.

³⁰ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

³¹ Красников А. Н. Методология классического религиоведения. – Благовещенск, 2004. – 148 с. С. 143.

эпистемология помнит о своих философских корнях и коммутирует с гносеологией. По этому каналу она поддерживает связь с философией³².

Таким образом, эпистемология религиоведения является превосходным медиатором между философией религии и науками о религии, как претендующими на сциентистскую строгость (историей, социологией, антропологией), так и не претендующими на нее (психология, феноменология, если, конечно, последняя выводится за рамки классической философии). И метарелигиоведение на уровне локальной сети частных и общих религиоведческих теорий, взаимосвязанных на платформе эпистемологии религиоведения и маркируемых по признаку общности объекта рамочным термином «религиоведение», оказывается совершенно излишним.

Какое же применение можно найти термину «метарелигиоведение»? В сциентистской перспективе, на наш взгляд, «метарелигиоведение» останется пустым рамочным понятием, охватывающим либо философию религии, комплекс религиоведческих дисциплин («наук» о религии), дополненный эпистемологией религиоведения, либо возникнет гипотетический комплекс «метарелигиоведческих» дисциплин (как «наук» о религиоведении). Покуда такой самостоятельный комплекс «наук» о религиоведении не сложился, применять термин «метарелигиоведение» бессмысленно. Но с ростом научного потенциала, накопления научного знания по истории религиоведческой антропологии, истории социологии религии, истории психологии религии, истории философии религии и т.п., возможно произойдет качественный скачок, и возникнет полноценный комплекс метарелигиоведческих дисциплин в точном смысле этого слова.

---

³² Рорти Ричард. Философия и зеркало природы. – Новосибирск, Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 320 с.